

С.В. Селиверстов*

S.V. Seliverstov*

Становление светской тенденции в тюркском социуме Российской империи: европейско-русская и мусульманская образованность в интерпретации Ч.Ч. Валиханова и М.-С. Бабаджанова (конец 1850-х – начало 1860-х годов)

Formation of a Secular Tendency in the Turkic Society of the Russian Empire: European-Russian and Muslim Education in the Interpretation of Ch.Ch. Valikhanov and M.-S. Babadjanov (Late 1850s – Early 1860s)

doi:10.31518/2618-9100-2021-5-9

doi:10.31518/2618-9100-2021-5-9

УДК 94(47+57)“185/186”

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Селиверстов С.В. Становление светской тенденции в тюркском социуме Российской империи: европейско-русская и мусульманская образованность в интерпретации Ч.Ч. Валиханова и М.-С. Бабаджанова (конец 1850-х – начало 1860-х годов) // Исторический курьер. 2021. № 5 (19). С. 98–111. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-5-09.pdf>

Seliverstov S.V. Formation of a Secular Tendency in the Turkic Society of the Russian Empire: European-Russian and Muslim Education in the Interpretation of Ch.Ch. Valikhanov and M.-S. Babadjanov (Late 1850s – Early 1860s) // Historical Courier, 2021, No. 5 (19), pp. 98–111. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-5-09.pdf>]

Abstract. The study is carried out in the genre of intellectual history and focuses on the views of Ch.Ch. Valikhanov and M.-S. Babadzhyanov – the leading representatives of the Turkic-Kazakh society of the Russian Empire. The sources of the research are documents of a journalistic and official nature. The concept of European-Russian and Muslim education in the Kazakh Steppe is considered as a problem. The education that Valikhanov received in Omsk, and Babadzhyanov in Orenburg, was a European-Russian education in terms of its content. It can be argued that Europe and East were united in these personalities. Valikhanov wanted the spread of European-Russian education (on the basis of secular, non-religious knowledge) in the Asian region of the empire. He was a free-thinking person in religious matters, but as a representative of the Kazakh people he retained his Muslim identity. Babadzhyanov was a firm Muslim. The Russian authorities recognized Valikhanov and Babadzhyanov. At the same time, both figures understood the importance of European-Russian education and expressed critical opinions about conservative Muslim education. The argumentation of Valikhanov, who did not want the Kazakh Steppe to follow an anti-progressive path was especially sharp. However, the more moderate Babadzhyanov also criticized the state and methods of the Muslim, "Tatar" school. However, while the reform of Muslim education was doubted by Valikhanov, it was considered necessary by Babadzhyanov. It is noteworthy that Kazakh intellectuals expressed their positions two decades before I. Gasprinsky. Both thinkers believed that members of the steppe society should not be separated, but considered “our fellow citizens”. From the point of view of Valikhanov, Russian schools should be opened in the Kazakh Steppe for progressive development. So, the consequence of the consolidation of the continental space within the Russian Empire was the expansion of the European-Russian cultural area into Asia. This is how a kind of world was formed, in which European and Asian elements were combined. The phenomenon of Valikhanov and Babadzhyanov testifies that pro-European thought (in terms of scientific and educational orientation) began to develop in the Kazakh society earlier than among other Turkic peoples. The views of Valikhanov represent the initial stage of the formation of a secular trend in the Turkic society of the Russian Empire and can be qualified in the historical and cultural aspect as a Euro-Asian intellectual phenomenon.

* **Селиверстов Сергей Васильевич**, кандидат исторических наук, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Нур-Султан, Казахстан, e-mail: seliverst.sv@googlemail.com
Seliverstov Sergey Vasilievich, Candidate of Historical Sciences, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan, e-mail: seliverst.sv@googlemail.com

Keywords: intellectual history; European-Russian education; Muslim education; secular tendency; Russia; Asia.

The article has been received by the editor on 29.05.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Исследование выполнено в жанре интеллектуальной истории и сфокусировано на взглядах Ч.Ч. Валиханова и М.-С. Бабаджанова – ведущих представителей тюрко-казахского социума Российской империи. Источниками служат документы публицистического и служебного характера. В качестве проблемы рассматриваются представления о европейско-русской и мусульманской образованности в Казахской степи. Образование, которое Валиханов получил в Омске, а Бабаджанов в Оренбурге, было по содержанию европейско-русским образованием. Можно утверждать, что в этих личностях соединились Европа и Восток. Валиханов желал распространения европейско-русской образованности (на базе светского, внерелигиозного знания) в азиатском регионе империи. Он был свободомыслящей личностью в религиозных вопросах, но как представитель казахского народа сохранял мусульманскую идентичность. Бабаджанов был твердым мусульманином. Российская власть признавала конфессиональную принадлежность Валиханова и Бабаджанова. При этом оба деятеля понимали важность европейско-русской образованности и высказывали критические мнения о консервативном мусульманском образовании. Особенно заострена точка зрения Валиханова, не желавшего, чтобы Казахская степь шла по антипрогрессивному пути. Однако и более умеренный Бабаджанов также критикует состояние и методы мусульманской, «татарской» школы. Но если Валиханов сомневался в реформировании мусульманского образования, то Бабаджанов желал этого. Примечательно, что казахские интеллектуалы высказали свои позиции за два десятилетия до И. Гаспринского. Оба мыслителя полагали, что степной социум необходимо не отделять, а считать «своими согражданами». С точки зрения Валиханова, для прогрессивного развития следует открывать в Казахской степи русские школы. Итак, следствием консолидации континентального пространства в рамках Российской империи стало расширение европейско-русского культурного ареала в Азию. Так формировался своеобразный мир, в котором сочетались европейские и азиатские элементы. Феномен Валиханова и Бабаджанова свидетельствует, что проевропейская мысль (по научно-образовательной направленности) стала развиваться в казахском социуме раньше, чем у других тюркских народов. Взгляды Валиханова представляют собой начальный этап становления светской тенденции в тюркском социуме Российской империи и могут быть квалифицированы в историко-культурном аспекте как евро-азиатское интеллектуальное явление.

Ключевые слова: интеллектуальная история; европейско-русская образованность; мусульманское образование; светская тенденция; Россия; Азия.

Интеллектуальная история – существенный компонент истории общества на различных этапах его развития, в том числе – на этапе империи. Более того, накопление интеллектуальных ресурсов в России в XVIII – первой половине XIX в. вело как к внутреннему качественному росту интеллектуальных явлений, так и к началу трансляции процесса европеизации «вширь», в национальные регионы. И не в последнюю очередь – в тюркский социум.

Ключевой прагматичной проблемой тюрко-мусульманского мира к середине XIX века стало образование. Но кто первым из тюркских интеллектуалов Российской империи увидел и осознал преимущество европейско-русской системы образования? Полагаем, осознали те, кто сами получили европейско-русское образование, смогли активно проявить себя на службе и тем самым распознать высокую перспективность такого образования для народа. Очевидно, это был целый ряд личностей, в котором затруднительно выявить начальную персоналию, притом что одним из первых и наиболее заметных в этом значимом общетюрк-

ском ряду был Чокан Чингисович Валиханов (1835–1865), происходивший из султанского казахского рода, правнук Аблай-хана. Среди тех, кто параллельно с ним начал осмысление темы европейско-русского и мусульманского образования был уроженец западного региона Казахской степи Мухаммед-Салих Бабаджанов (1832–1871). И его взгляды также заслуживают раскрытия, тем более что они были известны Валиханову. Конечно, изученность обеих персоналий различна. Имя Валиханова с середины XX в. не раз становилось объектом интерпретации: из новых исследований отметим работу М.В. Шиловского, рассмотревшего личность Валиханова в парадигме евро-азиатского фронта¹, и труд К.К. Абуева, в котором представлена панорама отношений с современниками². В более узком плане (применительно к теме статьи) интерес представляют имеющиеся в современной литературе оценки мировоззрения Валиханова, в частности, его отношения к конфессиональной сфере. Если, например, Е.У. Байдаров в общем русле интерпретационной традиции, идущей из XX в., по-прежнему обозначает его как атеиста (хотя и «восхищавшегося» тенгрианством, т.е. «религией своих предков»)³, то З.Н. Нурлигенова считает, что вопрос о «взглядах» и «вероисповедании» Валиханова не прояснен (притом что в духовном смысле он «принадлежит» к шаманскому «прошлому народа»)⁴. Отметим и точку зрения Р.Ю. Почекаева, который подчеркивает, что Валиханов, несмотря на критику им политики «насаждения в Казахской степи ислама и мусульманских институтов», «не был врагом ислама в принципе»⁵. Все это свидетельствует: взгляды Валиханова до сих пор остаются обсуждаемой проблематикой.

Сопоставительно с Валихановым, имя Бабаджанова находилось в исследовательской «тени». Только в 1996 г. благодаря многолетним усилиям краеведа Н.П. Ивлева был собран и издан сборник сочинений Бабаджанова⁶. В данной статье, исходя из формулировки темы, основной упор сделан на осмыслении позиции Валиханова, а взгляды Бабаджанова рассматриваются контрапунктом – как параллельные и вариативные. При этом, полагаем, что обозначение Валиханова таким ярлыковым термином как «просветитель», характерное для второй половины XX в., недостаточно, т.к. ведет к сужению восприятия персоналии. Следовательно, необходима обновленная интерпретация его интеллектуального наследия.

Современники, знавшие Валиханова (Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, Ф.М. Достоевский и др.), нередко подчеркивали, что он образован по-европейски. Именно это в декабре 1856 г. в письме из Семипалатинска счел своим долгом дружески (как старший товарищ) напомнить молодому 21-летнему поручику Валиханову Достоевский (которой был на 14 лет старше)⁷. Но какое образование реально имел Валиханов – по-европейски, по-русски, по-сибирски? Каким было содержательное наполнение его образования?

Следует учесть, что при создании военно-учебных заведений государственная власть со времен Петра I и его преемников, исходя из собственных задач, активно опиралась на европейский опыт – так было и в первой половине XIX в. Сибирский кадетский корпус не являлся исключением из общей проевропейской тенденции, хотя практический контекст (региональный, социальный и т.д.) был в нем собственный. По сути, Сибирский кадетский корпус 1840–1850-х гг. был типом военного колледжа, выпускавшего своих воспитанников

¹ Шиловский М.В. Чокан Валиханов: трансформация личности в парадигмах фронта // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 93–102.

² Абуев К.К. Чокан Валиханов и его современники. Кокшетау, 2016. 386 с.

³ Байдаров Е.У. Чокан Валиханов как исследователь религиозно-мировоззренческого наследия казахов // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. общественных и гуманитарных наук. 2014. № 1. С. 103.

⁴ Нурлигенова З.Н., Цой В.А. Духовное формирование казахского народа через призму религиозных исследований Чокана Валиханова // Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal). 2015. № 3. С. 75, 79 (С. 75–79).

⁵ Почекаев Р.Ю. Ч.Ч. Валиханов и правовые преобразования в Казахстане в середине XIX в. // Страны и народы Востока. 2013. № 34. С. 337–338 (С. 333–342).

⁶ Бабаджанов М.-С. Сочинения. Алматы, 1996. 144 с.

⁷ Достоевский Ф.М. – Валиханову Ч.Ч. 14 декабря 1856 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1985. Т. 5. С. 179.

на службу офицерами. В кадетском корпусе изучались базовые светские дисциплины, или как тогда их в целом именовали – «курс наук»: математика, физика, химия, ботаника, география (в т.ч. география Казахской степи⁸), всеобщая история, языки (в т.ч. французский и татарский), рисование, а также военные дисциплины. Вполне обоснованно данное образование командир сибирского корпуса Г.Х. Гасфорт обозначил, представляя в 1855 г. Валиханова к награждению, как «основательное»⁹. Что касается содержания учебных предметов, особенно естественнонаучных, то оно было универсальным и основывалось (также как в гимназиях и университетах) на достижениях европейского знания своего времени. Следовательно, образование, получаемое в кадетском корпусе середины XIX в., необходимо обозначить как российское (по языку и государственному контексту) и европейское (по универсальной естественнонаучной, прагматичной основе). Примечательна реплика Достоевского, подчеркнувшего в 1861 г., что «мы de facto все еще сидим на европейских учебниках»¹⁰. Для казахской молодежи сибирское (и оренбургское) образование было не просто провинциальным. В сравнении с традиционным степным воспитанием, оно по своему культурно-научному наполнению и ориентиру являлось именно европейско-русским образованием.

Значимость Сибирского и Оренбургского кадетских корпусов, расположенных на северном рубеже Казахской степи, еще и в том, что на всем азиатском пространстве Российской империи других учебных заведений такого типа в XIX в. не существовало. Более того, по свидетельству Потанина, Сибирский кадетский корпус был тогда «лучшим учебным заведением во всей Сибири» (включая Иркутскую, Тобольскую и Томскую гимназии)¹¹. В этом плане необъективным диссонансом звучит мнение, что кадеты получали «ничтожное воспитание»¹². Выпускники Сибирского (Омского) кадетского корпуса не только обладали достаточно широким кругозором, но получали объективно европейское (по содержанию базовых предметов, по совокупности научных знаний) образование, адаптированное через географию, русский и тюркский язык к потребностям страны и азиатского региона. Данное образование было для кадетов, для сибирского и казахского социума существенным шагом вперед.

Кроме того, взростление Валиханова не ограничивалось стенами кадетского корпуса. Не меньшее значение для его интеллектуального роста в проевропейском умственном направлении имела своеобразная общественная среда Омска, наличие в городе интеллигентных семейств. Не повторяя конкретику омских контактов Чокана¹³, отметим, что в далекой от столицы провинции он тем не менее увидел пример светской культуры и просвещенного мышления на европейский манер, увидел отеческое, не высокомерное отношение к себе русских интеллигентов, был принят «как родной сын»¹⁴. Быстрое интеллектуальное развитие Валиханова, происходившее и в силу природного ума, и благодаря близости к просвещенным семействам Омска, привело к тому, что он, как заметил Потанин, «для своих товарищей, в т.ч. и для меня, стал «окном в Европу»»¹⁵. Такая характеристика, обращенная к человеку Азии, весьма нестандартна, если не уникальна для XIX в. Она свидетельствует, что для кадет процесс умственной европеизации был напрямую связан с процессом приращения светских знаний. Когда же Валиханов вышел из корпуса офицером, то обрел, как известно, в лице европейски образованного полковника К.К. Гутковского «друга и покровителя»¹⁶. Не меньшее значение для него имела, добавим, и служба под началом генерала Гасфорта.

⁸ Потанин Г.Н. Воспоминания. В кадетском корпусе // Сибирская жизнь. 1916. 23 января. № 18; 30 января. № 24.

⁹ Ходатайство командира Отдельного сибирского корпуса перед военным министром о награждении корнета Чокана Валиханова. 17 декабря 1855 года // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... Т. 5. С. 56.

¹⁰ Достоевский Ф.М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1862 год // Собрание сочинений. Л., 1993. Т. 11. С. 203.

¹¹ Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове // Собрание сочинений... Т. 5. С. 350.

¹² Ядринцев Н.М. Чокан Чингизович Валиханов // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... Т. 5. С. 276.

¹³ Абуев К.К. Чокан Валиханов... С. 161–162.

¹⁴ Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... Т. 5. С. 326.

¹⁵ Потанин Г.Н. Биографические сведения... С. 354.

Учтем и время, когда происходило становление Валиханова как офицера. Особенно важно было для умственного развития, что в 1856–1857 гг. в стране «ослабли цензурные тиски»¹⁷, четче определились интеллектуальные тенденции, в обществе стали обсуждаться новые темы. И Валиханов, находившийся в те годы в Омске, «умственном центре» Западной Сибири, конечно, развивался, «усваивал, – как отмечал Потанин, – новые идеи, приносимые книжками журналов»¹⁸. Свое влияние на Валиханова оказало и то, что, служа в Омске, он пересекся, как известно, с интеллектуалами, осужденными по делу петрашевцев – Ф.М. Достоевским и С.Ф. Дуровым¹⁹, что имело значение для развития его критического мышления.

Следствием совокупного влияния личностных, образовательных и служебных факторов стало то, что Валиханов проникся доверием и уважением к русскому обществу, к европейско-русской культуре и науке, лично принял тот стиль мышления и отношений, который реально познал в годы своего становления, стал обладателем европейских по содержанию знаний, умения рационально и критически мыслить. Не случайно в одной из последних своих работ, в конце 1863 – начале 1864 г., он подчеркнул: «только истинное знание дает спасительный дух сомнения», учит «ценить жизнь и материальное благосостояние»²⁰. Можно сказать, – Европа и Восток соединились в нем самом, создав новое качество личности. Не потеряв, что имел, он многое приобрел. В целом это и дало основание Достоевскому утверждать, что Валиханов был личностью, сформированной, «образованной по-европейски вполне»²¹.

Валиханов желал дальнейшего распространения европейско-русской образованности в азиатском регионе империи, и это убеждение было известно его петербургским собеседникам. Не случайно А.Н. Майков, вдумчивый поэт, публицист и ученый, воспринимая базовую идею Валиханова о необходимости распространения современных знаний в казахском социуме, сформулировал так видение его миссии: «Лучшее, что можете сделать, – писал он Валиханову в начале 1863 г., – это хлопотать об учреждении гимназии в степи». И делал важную оговорку: данный проект возможен в том случае, если местная аристократия «к этому приготовлена и желает»²². Конечно, открытие казахской гимназии, например, в Семипалатинске или Кокчетаве в 1860-е гг. стало бы настоящим образовательным прорывом, но условия и социальная среда для этого шага не были еще подготовлены. Калькировать собственно внутренний русский опыт в Казахскую степь было невозможно, а прагматичной концепции светской тюркской гимназии в практическом плане еще не существовало.

Позиция Валиханова относительно образования и сложность ситуации в Степи показана в т.ч. в некрологе 1866 г.²³ В основе данный текст (по аргументации Н.С. Серебренникова) принадлежит Потанину, а не Ядринцеву²⁴. В нем отмечается, что важной «думой» Валиханова было «народное образование». Особенно на фоне того, что в Казахской степи росло число школ, основанных «татарами и выходцами из Коканда и Бухары». В результате в казахском обществе стало распространяться мнение, что «изучение европейской науки угрожает потерей национальности и противорелигиозно»²⁵. Даже отец Чокана, полковник Чингиз Валиевич Валиханов, не всегда был последователен в вопросе о европейском образо-

¹⁶ Потанин Г.Н. Очерк жизни и деятельности Дорджи Банзарова // Банзаров Д. Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи. СПб., 1891. С. XXVIII.

¹⁷ Потанин Г.Н. Встреча с Дуровым // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... Т. 5. С. 336.

¹⁸ Там же. С. 335–336.

¹⁹ Абуев К.К. Чокан Валиханов... С. 309–313, 317–319.

²⁰ Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в степи // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... Т. 4. С. 72.

²¹ Достоевский Ф.М. – Валиханову Ч.Ч. 14 декабря 1856 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... Т. 5. С. 179.

²² Майков А.Н. – Валиханову Ч.Ч. 10 февраля 1863 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... Т. 5. С. 206.

²³ Ядринцев Н.М. Чокан Чингисович Валиханов... С. 276–279.

²⁴ Серебренников Н.В. Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и Вс.В. Крестовский // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 277. С. 129.

²⁵ Ядринцев Н.М. Чокан Чингисович Валиханов... С. 277–278.

вании своих молодых наследников и не исключал возврата к традиционному воспитанию²⁶. Поэтому Валиханов, учитывая социокультурную ситуацию в Степи, считал нужным «установить правильный взгляд» на религию и технический прогресс²⁷, т.е. сделать то, что впоследствии, спустя два десятилетия, исполнил российский тюркский деятель и мыслитель И. Гаспринский²⁸.

Понимая значимость светского, внерелигиозного знания, Валиханов (как и позже – в более мягкой форме – Гаспринский) не мог смириться с тем, что в Средней Азии, в XIV–XV вв. «самой просвещенной и богатой» стране Востока, ныне, в условиях «религиозного деспотизма», отрицается «всякое знание, кроме религиозного»²⁹. В интерпретации Ядринцева и Потанина, ссылающихся на вступительный обзор о Средней Азии в «Очерках Джунгарии», с точки зрения Валиханова необходимы были не только школы для переводчиков-толмачей, но школы – как важный компонент распространения европейской науки и гуманности³⁰. Не из теории, а именно из личного осознания практических преимуществ европейско-русской, основанной на научных знаниях, образовательной системы и вытекала критика Валихановым существовавшей в консервативном виде мусульманской школы. При этом он сохранял собственную мусульманскую идентичность, не переступал черту атеизма, хотя, как отмечали современники, в религиозных вопросах его отличало свободомыслие³¹.

Еще в Омске, на последнем курсе, в 1853 г. Валиханов критически отозвался о допущении А.И. Левшина, что будто бы киргизы «не знают своей веры». 18-летний кадет подчеркивает: каждый казах «с самого детства» знает, «что он последователь Магомета и что он мусульманин» и данное обстоятельство «составляет его гордость перед иноверцами»³². Позже, будучи офицером, на светских вечерах у Гасфорта он без сомнения отмечал свою мусульманскую идентичность³³. Власть также признавала конфессиональную принадлежность Валиханова: его мусульманское («магометанское») вероисповедание не раз констатируется в служебных документах. Например, в документах Азиатского департамента МИД (октябрь 1860 г.)³⁴.

Принципиально важно, что (как вспоминал Потанин) Валиханов «оставался мусульманином» в т.ч. и потому, что «хотел служить своему киргизскому народу»³⁵. Эту же мысль Потанин повторил и А.Н. Пыпин³⁶. Однако имеется точка зрения О.А. Сегизбаева, что данная констатация принадлежности Валиханова к мусульманству «формальная», и что на самом деле он был «убежденным атеистом»³⁷. На наш взгляд, основания для такого крайнего вывода недостаточны (слух о том, что Валиханов «не верит в Бога»³⁸ был инициирован в Степи в 1862 г. именно для того, чтобы не допустить его избрания на должность старшего султана Атбасарского округа). И если сопоставить Валиханова с русскими либерально-радикальными западниками (и народниками) второй половины XIX в., то они, в отличие от казахского интеллектуала, были более отдалены от христианства, чем он от мусульманства. Русский западник/народник, как тип, отнюдь не считал принадлежность к православному христианству обязательным маркером, подтверждающим его служение народу.

²⁶ Валиханов Ч.Ч. – Майкову А.Н. Декабрь 1862 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... Т. 5. С. 153.

²⁷ Там же.

²⁸ Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881. 45 с.

²⁹ Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... Т. 3. С. 325–326.

³⁰ Ядринцев Н.М. Чокан Чингисович Валиханов... С. 278.

³¹ Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича... С. 330.

³² Валиханов Ч.Ч. Замечания на третью часть описания киргиз-казачьих орд [А.И. Левшина] // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... Т. 1. С. 198–199.

³³ [Отрывок из дневника] // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... Т. 1. С. 291.

³⁴ Формулярный список № 3. 15 октября 1860 года // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... Т. 5. С. 95.

³⁵ Потанин Г.Н. Биографические сведения... С. 367.

³⁶ Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1892. Т. 4. С. 399.

³⁷ Сегизбаев О.А. Казахская философия XV – начала XX века. Алматы, 1996. С. 274.

³⁸ Валиханов Ч.Ч. – Достоевскому Ф.М. 15 октября 1863 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... Т. 5. С. 151.

Для Валиханова же аналогичное служение предполагало пребывание в лоне мусульманства. Следовательно, его связь с казахским народом была более естественной и органичной, нежели отношение к русскому народу со стороны либерально-радикальных народников.

Принадлежность Валиханова к мусульманскому социуму не противоречила, однако, ориентиру на европейскую образованность, не исключала критического отношения к насаждению ислама в Степном крае российской властью (на что обратил внимание М.В. Шиловский³⁹) и к традиционному мусульманскому образованию. Обойти эту критику было бы необъективно и нечестно по отношению к памяти казахского интеллектуала. Валиханов был весьма обеспокоен возможностью непрогрессивного, скажем так, пути развития Казахской степи и вообще тюркских народов во второй половине XIX в. Собственными глазами он видел, что промусульманское просвещение, проводимое при поддержке региональных властей, оборачивается на практике «нетерпимостью» и «антипрогрессивным» фанатизмом⁴⁰. Он же хотел для народа восприятия перспективной проевропейской образованности.

Свое итоговое отношение к состоянию народного мусульманского образования Валиханов выразил, как известно, в «Записке о судебной реформе у киргиз Сибирского ведомства», имевшей характер служебного документа и поданной в начале 1864 г. Западно-Сибирскому генерал-губернатору А.О. Дюгамелю⁴¹. Автор отмечает, что «почти в каждом ауле есть кочевая школа, где учителя по большей части татарские муллы или семинаристы». Также появились учителя «среднеазиатцы». Однако Валиханов невысокого мнения об этом образовании. Ссылаясь на востоковеда И.Н. Березина, он полагает, что образованность (имеется в виду европейская образованность, основанная в значительной степени на опытных науках) и мусульманство «несовместимы»⁴². В частности, обучение в мусульманских школах ограничивается «одной мусульманской схоластикой и казуистикой», отвергается история, математика, философия и все естественные науки («как искушения для слабого человеческого ума»)⁴³. Не удовлетворен Валиханов и тематикой доступных для чтения произведений «на джагатайском наречии тюркского языка». Таким образом, казахская молодежь, делает он вывод, воспринимая аульное образование, не получает «ни одной реальной мысли». Что касается практической методики, то она включает «долбление» и «заучивание» текстов на арабском языке «без всяких комментариев и переводов»⁴⁴.

Но, быть может, Валиханов, формулируя подобную точку зрения, небеспристрастен в силу своего известного критицизма? Чтобы прояснить это, необходимо сравнение с более лояльной к мусульманству позицией. Одновременно с Валихановым, на рубеже 1850-х – 1860-х гг., свою точку зрения на необходимость распространения образования в казахском обществе высказал его фактический ровесник – М.-С. Бабаджанов, член совета по управлению Внутренней (Букеевской) орды, располагавшейся в междуречье Урала и Волги. Начальное образование он получил в самой Орде – в Ханской ставке, где с начала 1840-х гг. действовала казахско-русская школа, открытая и содержащаяся на средства хана Джангира, где изучали правила мусульманской религии, татарскую и русскую грамоту «и отчасти русский язык». Как подчеркивал Бабаджанов, «для поощрения учеников и обучающихся покойный хан не жалел ни денег, ни собственного старания и внушения ордынцам о пользе образования», а его школа, под названием «Джангировской», продолжала существовать и в 1860-е гг. Именно Джангир-хан показал казахам, что учиться «никогда не поздно»⁴⁵. В округах Средней орды подобных школ при ставках султанов в 1840-х гг. не существовало, и Валиханов начал изучать русскую грамоту только в Омске. Для Бабаджанова же школа в Ханской ставке стала своего рода «приготовительным классом» для последующего образования.

³⁹ Шиловский М.В. Чокан Валиханов: трансформация личности в парадигмах фронта... С. 95.

⁴⁰ Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии... С. 344.

⁴¹ Валиханов Ч.Ч. – Гутковскому К.К. 24 марта 1864 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... Т. 5. С. 161.

⁴² Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... Т. 4. С. 101.

⁴³ Там же. С. 102.

⁴⁴ Там же. С. 102.

⁴⁵ Бабаджанов М.-С. Заметки киргиза о киргизах // Северная пчела. 1861. 5 января. № 4. С. 13–14.

Обоих казахских деятелей – Валиханова и Бабаджанова – принципиально сближает то, что Бабаджанов, так же как и Валиханов, окончил в начале 1850-х гг. кадетский корпус, но только Оренбургский, имел офицерский казачий чин хорунжего (соответствует корнету в кавалерии). На учебу в Оренбург еще ранее Бабаджанова был послан его старший брат – К. Караулов, который после окончания курса служил при хане и был управляющим его канцелярии⁴⁶. Хотя Джангир-хан настаивал на том, чтобы отправлять детей знатных казахов в кадетский корпус, но родители соглашались не сразу. Видя жесткое обхождение с учениками местных мусульманских мулл, они, особенно матери, опасались, что «русский мулла может совсем заморить дитя»⁴⁷.

Как вспоминал Бабаджанов, однажды вечером в январе 1845 г. Джангир-хан вызвал к себе нескольких мальчиков из своей школы и поинтересовался о желании учиться в Оренбурге. Все ученики по очереди «изъявили согласие и готовность». Отправка девяти будущих кадетов состоялась летом и была обставлена торжественно. На протяжении пяти верст хан с почетной свитой провожал учеников, которым было 11–12 лет, потом все остановились – «нас привели к хану, который, как и все прочие бывшие тут лица, пожелал нам доброго пути. Слез здесь было достаточно и среди мальчиков, и среди провожавших». Но «я не плакал, – пишет Бабаджанов, – потому что из своего дома выехал давно и в числе провожавших не было близких мне родных». Тем не менее, «мать моя, провожая меня из дома, плакала горько и уговаривала меня не ехать». Только «благоразумная воля отца» и «мое собственное желание», подчеркивает Бабаджанов, позволили ему стать тем, кем он стал⁴⁸. Что касается программы Оренбургского кадетского корпуса, то в общеобразовательной, общенаучной части она в целом соответствовала программе Омского корпуса. Дополнение было в том, что в Оренбурге имелось азиатское отделение, где изучались восточные языки.

Признавая определяющую роль учебы в служебном росте, Бабаджанов впоследствии отмечал, что именно годы, проведенные в Оренбурге, сделали его тем, «кем меня теперь видите»⁴⁹ (в начале 1860-х гг. председателем Временного совета по управлению Внутренней ордой, где он служил, являлся полковник К.И. Герн). В итоге для Бабаджанова были органичны и военная казачья форма, и народный казахский халат⁵⁰.

Европейско-русское образование, полученное им в Оренбурге, не отрицало, как и в случае с Валихановым, традиционную конфессиональную идентичность. Как заметил историк и этнограф П.И. Небольсин, открывший Бабаджанову дорогу в столичную прессу: его корреспондент – «твердый мусульманин»⁵¹. В очерке «Путешествующие киргизы» (о посещении Петербурга казахской делегацией из Оренбурга в августе 1860 г.) Небольсин дает краткий портрет 25-летнего Бабаджанова, а также отмечает, что в беседах того особенно волновала культурно-образовательная ситуация в Степи⁵².

Был ли лично Валиханов знаком с Бабаджановым, встречались ли они в Петербурге? Разделяем точку зрения Н.П. Ивлева, который еще в 1977 г. поставил этот вопрос и дал свой аргументированный ответ. В частности, Ивлев обратил внимание, что Валиханов был в курсе прибытия казахской делегации с первых дней, а также, – что оренбургский пристав Л.Н. Плотников, сопровождавший делегацию, «лично познакомился в Петербурге» с Валихановым и провел с ним в беседах «несколько самых приятных вечеров» (о чем в декабре сам Плотников и написал в «Русском вестнике»⁵³). В этой ситуации, действительно, встреча Валиханова и Бабаджанова в Петербурге в августе 1860 г. была естественна и неизбежна⁵⁴.

⁴⁶ Бабаджанов М.-С. Заметки киргиза о киргизах... С. 14.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 14–15.

⁴⁹ Бабаджанов М.-С. Заметки киргиза о киргизах... С. 15.

⁵⁰ [Примечание П.Н. Небольсина] Бабаджанов М.-С. Заметки киргиза о киргизах... С. 13.

⁵¹ Там же.

⁵² Небольсин П.Н. Путешествующие киргизы // Русский вестник. 1860. Т. 29. Сент. Кн. 1. С. 43–44.

⁵³ Плотников Л.Н. По поводу статьи «Путешествующие киргизы» // Русский вестник. 1860. Т. 30. Дек. С. 262–263.

⁵⁴ Ивлев Н.П. Находки краеведа. Алма-Ата, 1977. С. 10–11.

Именно после поездки в Петербург Бабаджанов с подачи Небольсина осенью 1860 г. взялся за большое письмо, по сути, очерк, раскрывающий казахские реалии. Данные заметки были напечатаны в петербургской «Северной пчеле» в январе 1861 г. Бабаджанов отмечает, что казахское общество Букеевской орды стало признавать значимость грамотности, с одной стороны, через чиновников-письмоводителей при ханах и султанах, а с другой – через татарских мулл, которых со временем, в 1830-х – 1840-х гг. стали привлекать в аулы и в качестве учителей для обучения детей «татарской грамоте», т.е. арабской. Но ученье шло медленно, 5 лет и более, и мало кто овладевал письмом⁵⁵. Тормозил этот процесс и способ обучения, который Бабаджанов весьма реалистично обрисовал в своих заметках и назвал «слишком строгим» и даже «жестоким», притом что основной метод заключался, как правило, в весьма громком чтении заданного на прошлом уроке (и «Боже сохрани, если кто-либо из учеников ошибся в правильном произношении!»)⁵⁶.

В отличие от Валиханова Бабаджанов отмечает, что обучение «татарской грамоте» принесло казахскому обществу «некоторую пользу», но в итоге (аналогично Валиханову) делает вывод о том, что «фанатизм» и «грубое, закоснелое невежество» таких учителей все же в большей степени «вредны». А потому – «не дай Бог, чтобы киргизы последовали им в этом!»⁵⁷. Бабаджанов вспоминает один свой спор в Оренбурге, когда он объяснил своему скептическому татарскому визави происхождение грома и молнии через силы электричества. Обвиненный в нарушении правил веры, он решил прибегнуть к авторитету просвещенного муллы, обучавшегося в Бухаре. И тот, сказав, что не изучал физические явления, тем не менее, сослался на ученых астрономов, которые приписывают гром и молнию «трению облаков»⁵⁸.

К чему склонялся сам Бабаджанов? Не отрицая мусульманскую образованность и необходимость знания «правил магометанской религии», он считал важным более активное распространение в Степи «русской грамоты» и современной, основанной на науке, образованности⁵⁹. Главный региональный источник европейско-русской образованности он, вслед за ханом Внутренней орды Джангиром видел в Оренбургском кадетском корпусе (а также в начальной школе, расположенной в Ханской ставке), хотя реалистично понимал, что наиболее распространенным в Степи к 1860-м гг. стало мусульманское образование в многочисленных аульных медресе⁶⁰. В его понимании запрос на обучение «по-русски» существовал, однако в силу дефицита возможностей внимание казахского социума обращалось преимущественно к познанию «правил веры»⁶¹. Особый вес позиции Бабаджанова придавало то, что он происходил из рода ходжей, т.е. проповедников ислама.

Таково восприятие Бабаджановым проблематики состояния образованности казахского народа в середине XIX в. Полагаем, в идеале он желал не доминирования той или другой стороны – веры или знания, а именно сосуществования мусульманских правил и научных познаний. И такой подход отличался от позиции Валиханова. Сближало же Валиханова и Бабаджанова то, что оба они понимали неэффективность, неконкурентоспособность религиозного образования середины XIX в. как с точки зрения содержания, так и с точки зрения методики. И оба по-своему желали, чтобы казахское общество избежало отдаления от общероссийского контекста и изоляции от современного научного знания. Оба полагали, что степной социум должно считать «своими согражданами» (в частности, на это указывал, полемизируя с И.И. Железновым, публицистом уральского казачества, Бабаджанов⁶²).

⁵⁵ Бабаджанов М.-С. Заметки киргиза о киргизах... С. 13.

⁵⁶ Там же. С. 13.

⁵⁷ Там же. С. 14.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 15.

⁶¹ Там же.

⁶² Бабаджанов М.-С. Апелляция киргиза к публике по поводу статьи «Русского вестника» под заглавием «Киргизомания» // Северная пчела. 1861. 22 июня. № 138.

Кстати, Валиханов вспомнил статью Бабаджанова об образовании в Степи зимой 1863–1864 гг., когда писал «Записку о судебной реформе у киргиз Сибирского ведомства», и по памяти отнес ее к 1860 г. В комментариях к сочинениям Валиханова указывается, что он имел в виду статью Бабаджанова «Заметки киргиза о житье-бытье и участи его родичей», опубликованную в 1861 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 137)⁶³. Однако это не так. Во-первых, № 137 вышел в конце июня, когда Валиханов уже прибыл в кокчетавскую степь, а потому прочесть этот номер не мог. Во-вторых, его привлекло в статье Бабаджанова то, что тот показал «необыкновенно ярко учение в татарских школах»⁶⁴. Но статья с таким содержанием иная – это «Заметки киргиза о киргизах», напечатанная, как и указал верно Валиханов, в «Северной пчеле». Поиск по газете выявил, что указанная статья Бабаджанова была опубликована в самом начале 1861 г. – 5 января (№ 4). Именно эту статью Валиханов прочитал в Петербурге, она и осталась у него в памяти в 1863–1864 гг., когда он суммировал собственную позицию относительно сложности, двойственности социокультурной ситуации в Степи.

С одной стороны, Валиханов, как известно, подтверждал мусульманство суннитского направления в качестве давнего национального атрибута казахского социума (мусульмане «по имени», а не по закону)⁶⁵, а с другой, – отмечал соединение, «смешение» мусульманства с тенгрианством («Небо слилось с идеей Аллаха»), «с шаманским суеверием», с поклонением духам предков – аруахам⁶⁶. Аналогично трактовал ситуацию и Бабаджанов, указывавший, что «в душе всякий киргиз есть магометанин суннитской секты», но «правила религии» соединены у него с «народными обыкновениями»⁶⁷. Такое сочетание верований сложилось в казахском социуме исторически и «противоречия», как подчеркнул Валиханов, «нисколько не мешали друг другу»⁶⁸. При этом он реалистично констатирует новую тенденцию «религиозно-схоластического направления», которая ведет к тому, чтобы «обратить всех последователей в арабов» и ничего другого «не уважать»⁶⁹. Он даже полагает, что «языческие братья» мусульман в Сибири (якуты, калмыки, монголы), находясь на более низкой ступени образованности, «умственно стоят выше», т.к. имеют свою поэзию, свою «самобытную сферу», хотя и ограниченную, «но свою сферу интеллектуальной, прогрессивной жизни»⁷⁰. В данном конфессиональном контексте степные тюрки находились в срединном положении, они, отмечает Валиханов, «хотя и исповедуют ислам, но подобно языческим братьям, составляют совершенный контраст с оседлыми соплеменниками». Понимая, что позиции ислама в Степи в XIX в. «благодаря заботам правительства» существенно укрепились («в каждом ауле есть мулла и подвижное мердесе»), он, тем не менее, высказывает сомнение: «Бог знает, лучше ли будет для благополучия будущего от нового религиозного направления в степи. Не лучше ли было бы оставить их [степных тюрков] при прежней терпимости?»⁷¹. Существенно, что Валиханов включил этот вопрос (из рукописи середины 1850-х гг.) в подготовленную в Петербурге и опубликованную в 1861 г. работу «Очерки Джунгарии»: «Мы не знаем, что было бы лучше для Киргизской степи: прежнее невежество, чуждое религиозной нетерпимости, или современное татарское просвещение, выражающееся... самым антипрогрессивным образом»⁷².

Как видим, и в рукописи середины 1850-х гг., и в публикации в 1861 г. Валиханов подчеркивает важнейшее качество традиционного казахского социума – религиозную терпимость,

⁶³ Комментарии // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... Т. 4. С. 404.

⁶⁴ Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе... С. 103.

⁶⁵ Там же. С. 99.

⁶⁶ Валиханов Ч.Ч. Следы шаманства у киргизов // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... С. 48, 49.

⁶⁷ Бабаджанов М.-С. Заметки киргиза о киргизах... С. 13.

⁶⁸ Валиханов Ч.Ч. Следы шаманства у киргизов... С. 49.

⁶⁹ Валиханов Ч.Ч. [Заметки по истории южно-сибирских племен] // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... Т. 1. С. 295.

⁷⁰ Там же. С. 295.

⁷¹ Там же. С. 302, 303.

⁷² Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии... С. 344.

а если применить современный термин, – конфессиональную толерантность. Бесспорно, и сам Валиханов – сторонник веротерпимости, а не религиозного радикализма, желающий «смягчения религиозной вражды» в обществе⁷³. Наряду с импульсом традиционной широты и терпимости, воспринятым им в Казахской степи, следует учесть, что круг его служебного и товарищеского общения и в Омске, и в Петербурге был не клерикальным, а светским, веротерпимым. На это, по сути, ориентировал европеизм XIX в., усваивавшийся в образованном русском обществе.

Однако Валиханов видит и другое: традиция степной толерантности столкнулась в первой половине XIX в. с религиозным «татарским просвещением», которое было «навязано» Степи, так же как и мусульманские законы, «введенные» правительством⁷⁴. В результате сторонники последовательного мусульманства «преследуют народную старину» («наши предания, эпосы, юридические и судебные обычаи», «наши обряды, игры и торжества»), тем самым перед «свежей и восприимчивой киргизской народностью» на пути к европейской цивилизации встает «татарский период», от которого можно ожидать только «мертвую схоластику» и торможение мысли⁷⁵. В понимании Валиханова – это не просто препятствие на пути национального развития, но «темное царство»⁷⁶, «гибельная перспектива», а потому казахскому обществу необходимо «во что бы то ни стало обойти татарский период»⁷⁷.

По его убеждению, для преодоления наступающего «ультраклерикального направления»⁷⁸, препятствующего «социальному развитию»⁷⁹, следует в первую очередь «обратить внимание на умственное образование» казахского общества⁸⁰. Валиханов настойчиво предлагает региональной западно-сибирской власти открыть путь народу к европейскому просвещению и учредить в округах «вместо татарских школ русские»⁸¹, т.е., по сути, светские учебные заведения с европейским предметным содержанием. Надеясь «на свежую народную силу», он полагал, что дело образования «еще можно поправить»⁸², хотя и видел – реальность меняется и под религиозным влиянием казахский социум более чем прежде чуждается европейско-русского просвещения. При этом он апеллировал к опыту Европы, где в свое время «преобладание теологического духа проявлялось в народном развитии самым бедственным образом»⁸³.

Следует подчеркнуть: Валиханов не ставил под вопрос значимость европейско-русской образованности ни для себя персонально, ни в перспективе – для своего народа. Иных приоритетных путей интеллектуального развития он не искал, не намечал. А потому затруднительно согласиться с позднейшим предположением, относящимся к началу 1880-х гг., что Валиханов, будто бы, ощущал «непрочность под ногами новой почвы»⁸⁴. Как личность он твердо стоял на фундаменте европейско-русской образованности, и притом желал, чтобы соответствующую системную опору обрела и Казахская степь.

Таким образом, одним из последствий консолидации континентального пространства в рамках Российской империи стало расширение европейско-русского историко-культурного ареала в Азию. В частности, европейское по содержанию образование, так же как и соответствующий стиль мышления и службы, в XIX в. распространялись за пределы собственно Европы – на обширное евро-азиатское пространство. Этот процесс, наряду с восточносла-

⁷³ Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в Степи... С. 73.

⁷⁴ Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе... С. 77, 99.

⁷⁵ Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в Степи... С. 71.

⁷⁶ Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе... С. 100.

⁷⁷ Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в Степи... С. 71.

⁷⁸ Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе... С. 103.

⁷⁹ Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в Степи... С. 73.

⁸⁰ Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе... С. 103.

⁸¹ Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в Степи... С. 71.

⁸² Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе... С. 102, 103.

⁸³ Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в степи... С. 72, 73.

⁸⁴ Ядринцев Н.М. Иностранческий вопрос // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений... Т. 5. С. 288.

вянским социумом, стал постепенно включать и тюркский социум. Однако, в результате распространения европейско-русской образованности, науки и практики в Азию порождился не дубль Европы. В трудах, приобретениях и потерях формировался новый, своеобразный, неоднозначный историко-культурный мир, в котором так или иначе сочетались европейские и азиатские элементы. Именно в ходе этого процесса и был объективно-исторически генерирован передовой национальный тип, проявившийся в персоне Валиханова.

Феномен Валиханова, Бабаджанова и других представителей казахской знати, получивших в 1840–1850-х гг. образование в российских военно-учебных заведениях и находившихся на государственной службе, свидетельствует о начале развития в тюркском социуме Российской империи проевропейской – по научно-образовательной направленности – мысли. Так, Валиханов старше Гаспринского на 16 лет, а Бабаджанов – на 19 лет. И когда Валиханов в 1860 г., достигнув известности, служил в Петербурге, Гаспринский девятилетним мальчиком учился в традиционном мусульманском медресе.

В тюрко-казахской мысли рубежа 1850–1860-х гг. имелось две точки зрения на перспективы образования в Степи: одна – свободомыслящего интеллектуала (из центрального пространства казахских земель), другая – твердого мусульманина (из западного края). И если Валиханов, как человек европейско-русской образованности, сомневался в возможности реформирования мусульманского образования, то Бабаджанов, как последовательный мусульманин, желал этого. Примечательно, что Валиханов и Бабаджанов высказали свои позиции о мусульманском образовании за два десятилетия до Гаспринского, задолго до разворачивания споров между джадидами, сторонниками «нового», т.е. европейско-русского метода преподавания, и кадимистами, отстаивавшими «старую» традицию⁸⁵. Ценность опередивших время воззрений Валиханова и Бабаджанова в этом и заключается: критикуя, каждый по-своему, сложившуюся систему консервативного «татарского просвещения», они имели в виду кадимистскую систему.

Как видим, понимание ограниченности и недостаточности традиционного образования присутствовало в различных регионах Казахской степи. Не только более радикального Валиханова, но умеренного Бабаджанова существующая система уже не устраивала. И это свидетельствует, что в интеллектуальном дискурсе России рубежа 1850–1860-х гг. стало проявляться осознание необходимости существенного обновления тюрко-мусульманского образования – обновления, артикулированного со стороны самих тюркских деятелей. Тюркский социум нуждался в конструктивном варианте восприятия достижений европейско-русской образованности.

Остро чувствуя данную национальную потребность, Валиханов, с одной стороны, показал значимость светского, внерелигиозного знания для тюркского социума, а с другой, – что светское миропонимание не тождественно атеизму, что можно быть свободомыслящей личностью, служить государству и народу, оставаясь в конфессиональном плане мусульманином. Как мыслитель национального масштаба он проницательно оценивал настоящее и будущее Казахской степи. А если брать в общетюркском контексте – был, по сути, инициатором светской, прогрессистской тенденции в российском тюркском дискурсе середины XIX в.

Интеллектуальные усилия Чокана Чингисовича Валиханова стали начальным этапом становления данной тенденции, открыли дорогу к светской и веротерпимой тюркской общественной мысли, к светскому тюркскому модернизму, опиравшемуся, во-первых, на европейско-русскую образовательно-научную базу и, во-вторых, на национально-традиционную основу. В широком историко-культурном плане последовательное стремление человека Азии (каким и был по происхождению Валиханов) к европейско-русской образованности следует квалифицировать как евро-азиатское интеллектуальное явление.

⁸⁵ Ланда Р.Г. Дилемма: традиционалисты-джадиды // Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995. С. 141–171.

Литература

Абуев К.К. Чокан Валиханов и его современники. Кокшетау: КГУ им. Ш. Уалиханова, 2016. 386 с.

Бабаджанов М.-С. Сочинения / сост. Н.П. Ивлев. Алматы: Санат, 1996. 144 с.

Байдоров Е.У. Чокан Валиханов как исследователь религиозно-мировоззренческого наследия казахов // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. общественных и гуманитарных наук. 2014. № 1. С. 99–104.

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата: Казахская советская энциклопедия, 1984. Т. 1. 432 с.

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата: Казахская советская энциклопедия, 1985. Т. 3. 416 с.

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата: Казахская советская энциклопедия, 1985. Т. 4. 463 с.

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата: Казахская советская энциклопедия, 1985. Т. 5. 528 с.

Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь: Тип. Спиро, 1881. 45 с.

Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. Л.: Наука, 1993. Т. 11. 572 с.

Ивлев Н.П. Находки краеведа. Алма-Ата: Казахстан, 1977. 152 с.

Ланда Р.Г. Дилемма: традиционалисты-джадиды // Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М.: Изд-ая фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 141–171.

Небольсин П.Н. Путешествующие киргизы // Русский вестник. 1860. Т. 29. Сент. Кн. 1. С. 41–49.

Нурлигенова З.Н., Цой В.А. Духовное формирование казахского народа через призму религиозных исследований Чокана Валиханова // Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal). 2015. № 3. С. 75–79.

Плотников Л.Н. По поводу статьи «Путешествующие киргизы» // Русский вестник. 1860. Т. 30. Дек. С. 245–277.

Потанин Г.Н. Очерк жизни и деятельности Дорджи Банзарова // Банзаров Д. Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1891. С. IX–XXXVII.

Почекаев Р.Ю. Ч.Ч. Валиханов и правовые преобразования в Казахстане в середине XIX в. // Страны и народы Востока. 2013. № 34. С. 333–342.

Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1892. Т. 4. 488 с.

Сегизбаев О.А. Казахская философия XV – начала XX века. Алматы: Гылым, 1996. 472 с.

Серебрянников Н.В. Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и Вс.В. Крестовский // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 277. С. 129–132.

Шиловский М.В. Чокан Валиханов: трансформация личности в парадигмах фронта // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 93–102.

References

Abuev, K.K. (2016). *Chokan Valikhanov i ego sovremenniki* [Chokan Valikhanov and his Contemporaries]. Kokshetau, KGU im. Sh. Ualikhanova. 386 p.

Babadzhanov, M.-S. (1996). *Sochineniya* [Works]. Comp. N.P. Ivlev. Almaty, Sanat. 144 p.

Baidarov, E.U. (2014). Chokan Valikhanov kak issledovatel' religiozno-mirovozzrencheskogo naslediya kazakhov [Chokan Valikhanov as a Researcher of the Religious and Ideological Heritage of the Kazakhs]. In *Izvestiya Natsional'noy akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Series: Obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk*. No. 1, pp. 99–104.

Dostoevskiy F.M. (1993). *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Leningrad, Nauka. Vol. 11. 572 p.

Gasprinskii, I. (1881). *Russkoe musul'manstvo. Mysli, zametki i nablyudeniya musul'manina* [Russian Islam. Thoughts, notes and observations of a Muslim]. Simferopol, Tipografiya Spiro. 45 p.

Ivlev, N.P. (1977). *Nakhodki kraevedy* [Finds of a Local Historian]. Alma-Ata, Kazakhstan. 152 p.

Landa, R.G. (1995). Dilemma: traditsionalisty-dzhadidy [The Dilemma: Traditionalists-Jadids]. In *Islam v istorii Rossii*. Moscow, Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN, pp. 141–171.

Nebol'sin, P.N. (1860). Puteshestvuyushchie kirgizy [Traveling Kyrgyz]. In *Russkii vestnik*. Vol. 29, pp. 41–49.

Nurligenova, Z.N., Tsoy, V.A. (2015). Dukhovnoe formirovanie kazakhskogo naroda cherez prizmu religioznykh issledovaniy Chokana Valikhanova [Spiritual Formation of the Kazakh People through the Prism of Religious Studies by Chokan Valikhanov]. In *Wschodnioeuropeyskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal)*. No. 3, pp. 75–79.

Plotnikov, L.N. (1860). Po povodu stat'i "Puteshestvuyushchie kirgizy" [Regarding the Article "Traveling Kirghiz"]. In *Russkii vestnik*. Vol. 30, December, pp. 245–277.

Pochekaev R.Yu. (2013). Ch.Ch. Valikhanov i pravovye preobrazovaniya v Kazakhstane v sere-dine XIX v. [Ch.Ch. Valikhanov and Legal Reforms in Kazakhstan in the Middle of the 19th century]. In *Strany i narody Vostoka*. No. 34, pp. 333–342.

Potantin, G.N. (1891). Oчерк zhizni i deyatel'nosti Dordzhi Banzarova [Essay on the Life and Work of Dorji Banzars]. In *Banzarov, D. Chernaya vera ili shamanstvo u mongolov i drugie stat'i*. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, pp. IX–XXXVII.

Pypin, A.N. (1892). *Istoriya russkoy etnografii* [History of Russian Ethnography]. St. Petersburg, Tipografiya M.M. Stasyulevicha. Vol. 4. 488 s.

Segizbaev, O.A. (1996). *Kazakhskaya filosofiya XV – nachala XX veka* [Kazakh Philosophy of the 15th – Early 20th Centuries]. Almaty, Gylym. 472 p.

Serebrennikov, N.V. (2003). G.N. Potantin, N.M. Yadrintsev i Vs.V. Krestovskiy [G.N. Potantin, N.M. Yadrintsev and Vs.V. Krestovsky]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 277, pp. 129–132.

Shilovskiy, M.V. (2011). Chokan Valikhanov: transformatsiya lichnosti v paradigmakh frontira [Chokan Valikhanov: Personality Transformation in the Paradigms of the Frontier]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Series 2: Gumanitarnye nauki*. No. 4, pp. 93–102.

Valikhanov, Ch.Ch. (1984). *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Alma-Ata, Kazakhskaya sovetskaya entsiklopediya. Vol. 1. 432 p.

Valikhanov, Ch.Ch. (1985). *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Alma-Ata, Kazakhskaya Sovetskaya Entsiklopediya. Vol. 3. 416 p.

Valikhanov, Ch.Ch. (1985). *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Alma-Ata, Kazakhskaya Sovetskaya Entsiklopediya. Vol. 4. 463 p.

Valikhanov, Ch.Ch. (1985). *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Alma-Ata, Kazakhskaya Sovetskaya Entsiklopediya. Vol. 5. 528 p.

Статья поступила в редакцию 29.05.2021 г.